

Морфологическая производность

Леннарт Лённгрен

1. Введение

Понятие производности в лингвистике основано на разной степени сложности. Если при сопоставлении двух формально и семантически соотнесенных объектов один оказывается проще, а другой – сложнее, делаем заключение, что они объединены отношением производности. Совершенно независимо от исторических фактов – описание здесь строго синхроническое – отношение производности воспринимается как направленное, а именно от простого объекта к сложному. Более того, на данное отношение накладывается метафорическое представление об образовании или преобразовании.

Итак, предметом исследования производности являются пары лингвистических объектов. Эти объекты могут быть лексическими (относиться к уровню слова) или синтаксическими (относиться к уровню словосочетания или предложения). Существуют также смешанные пары, где сравниваемые объекты относятся к разным уровням. Вот пара, оба члена которой являются лексическими: *старый* – *старик*. Предполагаемое направление производности указано конвенциональным порядком: слева направо.

В традиционном лингвистическом описании термин производность относится, прежде всего, именно к подсистеме словообразования. В русском языке речь идет о двух механизмах преобразования: префиксации и суффиксации. Третий механизм, сложение, тоже исследуется в рамках словообразования, но исходные члены таких пар состоят из более, чем одного слова. То же, между прочим, верно для некоторых других образований, например *зарубежный* (от *за рубежом*), *поведение* (от *вести себя*).

Прошло уже полвека с тех пор, как И. А. Мельчук (1968), исходя из двухсторонней природы языкового знака, предложил классификацию формально-смысловых отношений именно на лексическом уровне. Производные слова, требующие синтаксические мотивирующие структуры, в его материале не представлены. С этим ограничением он, однако, выходил далеко за пределы системы словообразования и понятия производности. Он считал, что как означающее, так и означаемое характеризуются



четырьмя возможными соотношениями: полное совпадение, вложение, пересечение и полное несовпадение. В результате получилось 16 (4 x 4) типов, но так как в случае вложения направление сложности в плане выражения может быть противоположным направлению в плане содержания, Мельчук добавил еще один, семнадцатый, тип.

Направленностью охвачена только часть анализируемого Мельчуком материала. Нетрудно убедиться в том, что из названных четырех соотношений только одно, вложение, дает возможность определить направленность. В плане выражения возрастающая сложность, как правило, связана с добавлением морфемы, например, суффикса *-ик* в слове *старик*. В плане содержания, однако, дело обстоит по-другому.

На мой взгляд, самым сомнительным моментом в исчерпывающем изложении Мельчука является убеждение, что означаемое знака однозначно задано толкованием. По-видимому, он считает это понятие непроблематичным, судя по следующей цитате из указанной работы: «[...] означаемое представлено смысловым определением (типа обычных лексикографических толкований), которое должно удовлетворять ряду естественных требований – таких, как отсутствие логических кругов, и т. п., – обеспечивающих его единственность.» (стр. 427).

На самом деле, именно лексикографический опыт показывает неосуществимость такого строго иерархического описания. Существует, в частности, довольно широкий слой общеупотребительных слов (не сводимых к семантическим примитивам), которые не могут быть истолкованы через еще более центральные слова. Порочных кругов очень трудно избегать. Отсутствуют надежные критерии установления степени семантической сложности слова.

Например, из двух значений слова *груша* Мельчук как первичное выбирает «фрукт», как вторичное – «дерево». Чтобы понять неочевидность этого решения, достаточно сравнить предложенное Мельчуком направление деривации с толкованием в словаре Ожегова (2006) слова *яблоко*: «шаровидный плод яблони».

Как я пытался показать в работе над проектом *Ассоциативный словарь шведского языка* (Borin *et al.* 2013), возможно построить лексическую пирамиду, вершина которой состоит из очень ограниченного числа примитивов. Но для этого надо опираться не на чисто семантические, а на смешанные критерии: частотность, стилистику, формальную сложность и такие семантические свойства, как родо-видовое отношение и отношение целого к части. Эти критерии далеко не всегда идут в одном направлении, но проект оказался осуществимым благодаря тому, что оптимальность тентативных решений проверяется и подтверждается психологической «адекватностью» постепенно формирующейся огромной сети¹. Тезаурусы раньше строились сверху, глобально; в отличие от них данный ассоциативный словарь построен изнутри, на основе «местных» соотношений слов и фраз.

Итак, в плане содержания считаю необходимым отказаться от попытки компонентного анализа и вообще от представления об автономном семантическом уровне. А если нельзя установить вложение одного смысла в другой, то и невозможно определить на-

¹ Адрес для поиска в словаре: <https://spraakbanken.gu.se/ws/saldo-ws/fl/html>

правленность, опираясь на разницу в семантической сложности. Но даже формальное вложение не всегда «спасает ситуацию». Особенно проблематична номинализация, которую хочется усматривать не только в явных дериватах типа *получение*, но и в словах *лов*, *тратя*, хотя там неясен тип отношения к глаголу: вложение это или совпадение. К дериватам хотелось бы отнести и слово *потеря*, хотя его основа явно вложена в основу глагола *потерять*. С другой стороны, трудно отрицать бóльшую сложность глагола в парах типа *анализ – анализировать*.

По-видимому, чтобы установить направленность приходится иногда пользоваться другими критериями, помимо формального вложения.

Конечно, если обратимся к объектам более крупным, чем слова, можно сказать, например, что между *Он спит* и *Он не спит* существует не только формальное, но и смысловое отношение вложения. Однако к таким парам вряд ли применимо понятие производности. Когда из одной синтаксической структуры выводится другая, более сложная, этот процесс принято характеризовать как трансформация, и преобладающее среди лингвистов требование к трансформации – это требование эквивалентности.

2. Эквивалентность

Под понятием эквивалентности подразумевается возможность в определенном контексте замены одного выражения другим без изменения содержания данного текста. Именно отношение эквивалентности, полного семантического совпадения, имеет то преимущество, что оно применимо к разным уровням и, кроме того, является достаточно объективным критерием. Поэтому при дальнейшем анализе будем исходить из пар, характеризующихся эквивалентностью, одновременно, разумеется, обращая внимание на случаи, где эта эквивалентность нарушена.

На уровне слова эквиваленты называются синонимами. Синонимы обычно, за исключением синтаксических дериватов типа *свежий – свежесть*, словообразовательно не соотнесены. Но это не значит, что вся эта подсистема выпадает за пределы изучения производности. Словообразование можно изучать на парах, где эквивалентность реализуется. Это такие пары, где один или оба члена синтаксические.

Эквивалентность часто существует между словом и словосочетанием. Например, слово *старик* эквивалентно словосочетанию *старый мужчина*. Последнюю конструкцию принято называть толкованием.

Если оба члена пары синтаксические, эквиваленты называются парафразами. Между словосочетаниями вполне может существовать эквивалентность, например: *тропинка в лесу – лесная тропинка*, *кольцо из золота – золотое кольцо*.

Самый известный случай эквивалентности на уровне предложения – это категория залога. Общепринятая направленность от действительного предложения к страдательному опирается не только на бóльшую морфологическую сложность страдательной глагольной словоформы, но и на нетипичные оформления в страдательном залоге синтаксических конститuentов и вообще на преобладание в языке действительных оборотов.

Предложение обычно эквивалентно только другому предложению. Придаточное предложение, однако, может быть эквивалентно словосочетанию, ср.: *(Я уверен) в том, что план реален / в реальности плана*. Между членами пары *План реален* и *реальность плана* эквивалентность исключена, так как предложение содержит предикат акта речи, отсутствующий в словосочетании.

Словосочетание *реальность плана* можно было бы соотнести с принадлежащим к тому же уровню *реальный план*, но эквивалентность между номинализацией и предложением более очевидна; ср. неудачную трансформу *Я уверен в реальном плане*.

Выбор для исследования пар нового типа продиктован и тем, что традиционные словообразовательные пары, типа *старый – старик*, не так легко позволяют раскрыть ограничения употребления дериватов. Например, *старое здание* – это не *старик*, *открытие* в предметном значении относится лишь к одному из значений глагола *открыть* (англ. *discover*). Любого читающего человека можно назвать *читателем*, но носители и носильщики носят совершенно разные вещи, так же как значительно различаются результаты деятельности *писателей*, *писцов* и *писарей*. *Ухаживать* можно за женщинами, за детьми, за садом, но *ухажеров* интересуют только женщины.

3. Эксплицитность

Введение в пару условия эквивалентности имеет последствия и для понятия формальной сложности. Вступает в силу новый критерий: степень эксплицитности. Толкование *старый мужчина* обладает более высокой эксплицитностью, чем слово *старик*: как уже было отмечено, толкование дает информацию, что речь идет о человеке, а не, например, о здании или автомобиле (ср. *грузовик*).

Аналогичным образом решаем степень сложности в паре *тропинка в лесу – лесная тропинка*. Ясно, что из определений *в лесу* и *лесной* первое имеет более ограниченную, определенную семантику, чем второе; ср., хотя бы, *лесная тропинка* и *лесные пространства*.

Важно отметить, что направленность, основанная на критерии эксплицитности, в приведенных парах не противоречит «старому» словообразовательному критерию: производные слова *старик* и *лесной* попадают в правую, менее эксплицитную, часть. Вне системы словообразования, однако, наблюдаем обратную тенденцию: морфологически более простое слово часто менее эксплицитно, чем морфологически более сложное. В слове *огнетушитель* эксплицитен компонент, который в слове *открывалка* имплицитен² (*огонь / банка*). А если сравнить *открывалка* и *топор*, то первое, в отличие от второго, эксплицитно выражает действие (*открывать / рубить*). Вообще сложным (многокорневым) словам присуща высокая эксплицитность; ср. *дождь* и *снегопад*. В паре *языкознание – лингвистика* первый член более прозрачный, эксплицитный, и тем самым служит не только синонимом, но и однословным толкованием.

² Необходима оговорка. Под эксплицитностью здесь подразумевается шкала, варьирующаяся от развернутости к свернутости. Под имплицитностью имеется в виду полное отсутствие сегментного (фонемного) или супrasegmentного выражения.

Данное явление можно изучать и в межъязыковом плане. Несомненно, например, что шведское *näver* лишено эксплицитности, свойственной русскому производному слову *береста* или английскому словосочетанию *birch bark*. Ср. также шв. *ren* с англ. *reindeer* и ру. *северный олень*. Непроизводное во многих языках слово *парк* имеет в финском языке более прозрачный эквивалент: *puisto* (от *puu* «дерево»). Разной эквивалентностью могут отличаться и производные слова; ср. ру. *подкова* и более информативное шв. *hästsko*.

Во многих случаях самая высокая эксплицитность достигается в структуре предложения. Слова типа *штангист* и *яблоня* можно, конечно, определить через эквивалентные причастные обороты: *спортсмен, поднимающий штангу* и *дерево, приносящее яблоки*, соответственно. Но эти причастные обороты, несомненно, восходят к синтаксически более простым структурам – к предложениям. Поэтому, несмотря на то, что условие эквивалентности не выполнено, для таких случаев было решено сделать исключение и допустить в качестве исходного члена предложение. Эта «уступка» позволяет обнаруживать скрытые компоненты и отношения в словах и словосочетаниях. Ср. следующие тройки с убавляющейся степенью эксплицитности: *Она замужем за доктором – жена доктора – докторша*; *Дом построили из камня – дом из камня – каменный дом*; *Он живет в Москве – житель Москвы – москвич*.

4. Предмет исследования

Подытожим, как понимаются требования соотнесенности, предъявляемые к понятию производности. Под смысловой соотнесенностью понимаем эквивалентность, за исключением случая, оговоренного выше.

Формальная соотнесенность признается там, где в одном члене содержится слово А, которому в противоположном члене соответствует слово Б, причем между А и Б существует полное или частичное совпадение цепочек фонем.

Следует подчеркнуть, что речь идет о двух разных словах. Существуют пары словоформ, где второй член по морфологической структуре напоминает словообразовательный дериват, например *пишет – пишется*, *написать – написанный*, *более сильный – сильнее*. Такие случаи находятся внутри флективной системы и здесь не рассматриваются.

Несомненно, существуют и другие пары, где более или менее ясно, какой из членов первичный, а какой – вторичный. Например, предложение *Мобильный – её* естественно выводится из словосочетания *её мобильный*. И наоборот, из предложения *Слушатели полагают, что он прав* выводится словосочетание *мнение слушателей, что он прав*, которое отличается от настоящей номинализации только супплетивностью отвлеченного существительного. Такие пары тоже охвачены отношением производности (в смысле деривации³), но они не выполняют условие формальной соотнесенности. Этим ограничением материала и мотивировано название настоящей статьи: «морфологическая производность».

³ Принятое в настоящей статье понимание производности не полностью, но в основном, соответствует определению термина деривации в *Энциклопедии русский язык* (1997).

5. Семантическое представление

В 70-х годах был большой интерес к формализации семантических отношений в виде графов, сетей. На западе было кратковременное процветание генеративной семантики. На востоке ведущей стала модель Смысл \leftrightarrow Текст (МСТ), подробно изложенная в монографии Мельчука 1974. Эта модель долгое время пользовалась большим авторитетом, особенно в славянском мире. Она нашла применение в лексикографических работах; в частности, были выработаны образцы обширных словарных статей. В «честь» МСТ был организован ряд конференций. Компактную оценку этой теории дает Падучева 2005.

Как исходит из самого названия, в модели МСТ есть ряд уровней. Один, крайний, содержит семантическое представление. В нем используется свободный граф (не дерево), состоящий из узлов и объединяющих их стрелок. В узлах помещены чисто смысловые единицы, лишенные «физического» облика.

Я тоже использую подобное формальное семантическое представление. Однако в виду того, что, как было отмечено выше, автономного семантического уровня я не признаю, «мои» узлы заняты двухсторонними единицами: языковыми знаками разных типов.

Выработанный мною метод малоизвестен (несмотря на то, что я старался доказать его пригодность и в ряде предыдущих работ⁴), и поэтому его приходится здесь подробно описать. Надо подчеркнуть, что этот метод сильно отличается от МСТ. Семантическая структура прямо отображается на линейной последовательности языковых знаков. Нет деления на уровни. Не используются лексические функции. Зато есть другие приемы, которые в некотором смысле заменяют названные компоненты МСТ.

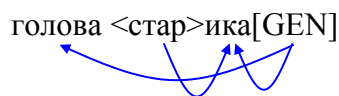
6. Валентность. Инкорпорация. Изоморфизм

Главным стержнем в языке признается семантическая зависимость. Способность некоторого знака подчинять себе другой знак называется валентностью. Знаки, занимающие узлы в графе, делятся на предикатные и неpredикатные (ср., например, существительные *рост* и *растение*). Валентностью обладают только предикатные знаки. Валентностная связь обозначается стрелкой, идущей от хозяина-предиката к непосредственно подчиненному знаку – актанту.

Валентностное представление может содержать знаки, не помещенные в узлы графа; такие знаки называем неузловыми. Узлы могут быть заняты не только сегментными, но и супрасегментными или имплицитными знаками. Когда план выражения представлен в виде цепочки фонем, означающее одного узла может находиться в пределах означающего другого узла; это явление называем инкорпорацией. Инкорпорированный сегмент обозначается угловыми скобками, например: <стар>ик. Исключения составляют узловые окончания, которые обозначаются глубинно-морфологическим способом, а именно латинскими сокращениями в квадратных скобках,

⁴ См., например, Лённгрен 2005, 2008 и 2013.

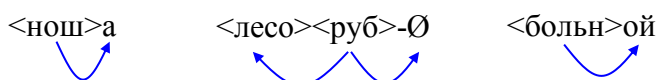
например: *старика*[GEN]⁵, *иди*[IMP], *отдыхал*[PRET]. Покажем граф, соответствующий словосочетанию *голова старика*:



Здесь важно отметить, что единственным актантом предиката *старый* и вторым актантом предиката [GEN] является *все* слово *старик*, не только та часть слова, которая находится вне скобок и к которой по практическим причинам направлены стрелки.

Инкорпорация представляет собой индикатор производности, т.е. характерна для правого члена пары. Однако, как мы увидим, существуют и пары, где инкорпорация отсутствует.

Угловые скобки применимы не только к дериватам типа *<стар>ик*, но и к таким случаям, когда вся основа подвергнута инкорпорации, т.е., когда традиционная лингвистика постулирует нулевые суффиксы, например *<нош>a*, *<лесо><руб>-∅*, или операцию конверсии, например *<больн>ой* (существительное). Покажем соответствующие графы:

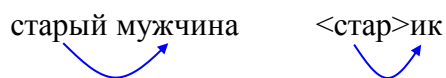


Опять подчеркнем, что сегмент, не включенный в скобки, представляет *все* слово. Так, в среднем примере стрелки объединяют три узла: *лес*, *рубить* и *лесоруб*. Знаком *-∅* представлена нулевая флексия, *не* деривационный суффикс.

Аналогичным образом трактуем более «слабый» тип конверсии, без мены части речи, например *супруг* – *<супруг>a*. Даже многозначность непродеривированных слов поддается представлению при помощи инкорпорации, например *груша* (плод) – *<груш>a* (дерево).

Инкорпорация предполагает расщепление слова на два узла или более. Если производное слово занимает только один узел, инкорпорации нет. Это относится, прежде всего, к синтаксическим дериватам, например: *свежесть*, *курение*, наречие *быстро*. Некоторые слова этого типа могут обладать многозначностью, проявляющейся в отсутствии vs присутствии инкорпорации, например, *открытие* / *<откры>тие* (*открытие Америки* / *открытие Колумба*), *высказывание* / *<высказ>ывание* (*высказывание мнений* / *привести высказывание*), *еда* / *<ед>a* (*время еды* / *покупка еды*).

Эквивалентность в паре подтверждается (контролируется) изоморфизмом соответствующих графов. Под изоморфизмом понимается идентичность наборов узлов и отношений между ними. Вот как представлен наш не раз приводимый пример, где в непредикатное слово инкорпорирован предикат:



⁵ Только родительный, не винительный, падеж может реализоваться как узловой при данном существительном. Трактовка падежей в рамках данного метода подробно показана в Лённгрен 2013.

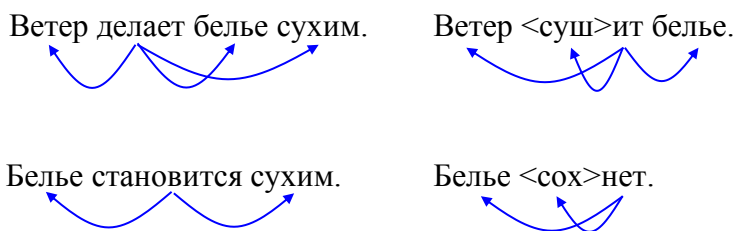
Вторичная, производная, структура справа содержит инкорпорированный сегмент, который в исходной, более эксплицитной, структуре выступает как свободное слово.

Слово *старик*, несомненно, является гипонимом слова *мужчина* (*Старик – это мужчина*). Но в приведенных графах эти слова занимают тождественный узел – узел актанта предиката *старый*. Вследствие того, что сегмент <стар> вынесен в отдельный узел, оставшееся в своем узле слово *старик* в «оголенном», «выхолощенном», виде оказывается синонимичным слову *мужчина*, т.е., приобретает значение гиперонима деривата.

Многие подобные образования требуют, естественно, другие гиперонимы, например *крепыш* (*ребенок*), *синяк* (*пятно, отметина*); в случае *молодежь* (*люди*) возникает значение собирательности. Замена прилагательного другой частью речи сказывается на структуре исходного члена, например *цифра восемь – восьмерка*.

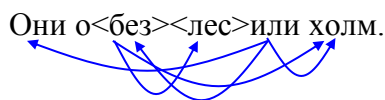
Если в непредикатный дериват инкорпорирован глагол, удобно исходить из предложения, которое часто требует выражение и других актантов, кроме деривата. Гиперонимом может служить местоимение, например: *Кто строит корабли? – строитель кораблей; Что подарил муж жене? – подарок мужа жене*. Возможна инкорпорация актанта: *кораблестроитель, домовладелец, небоскреб*.

Примерами инкорпорации предиката в другой предикат могут служить глаголы *сохнуть* и *сушить*:

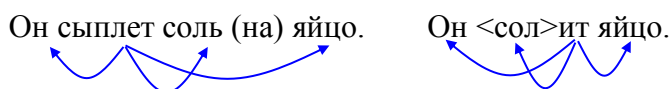


В обоих примерах производная структура содержит на один свободный актант меньше, чем исходная. В выхолощенном виде знаки *сохнуть* и *сушить* идентичны гиперонимам *становиться* и *делать* в исходных конструкциях.

Из конструкции с глаголом (с)делать исходим также при анализе глаголов типа *обезлесить*: *Они сделали холм безлесным*. Результирующий, довольно сложный, граф выглядит так:



Глаголы, образованные от предметных существительных, могут в исходной конструкции восходить к разным, в том числе довольно специфичным, гиперонимам:



Но гипероним обусловлен контекстом: *класть соль в суп*. Ср. также *пропитать огурцы солью – засолить огурцы*.

Иногда результат выхолащивания трудно охарактеризовать как гипероним. Например, относительное прилагательное может иметь ту же функцию, как узловой предлог:

тропинка в лесу <лес>ная тропинка

Ср. также конверсив: *книжный шкаф*. Прилагательные не всегда чисто относительные; ср.: *мужчина с широкими плечами* – *широкоплечий мужчина*. Иногда узловой предлог производной конструкции восходит к неузловой позиции при глаголе, например, в случаях *каменный* и *посудомоечный*; ср.: *дом, построенный (из) камня* – *дом из камня, машина, используемая/предназначенная (для) мытья посуды* – *машина для мытья посуды*. В случаях *пыльная дорога*, *красавое лицо* эксплицитным предикатом служит глагол *покрывать*, который, в свою очередь, восходит к предикатам *на* и *весь*.

В принципе, прилагательное не может занимать непредикатный узел. Однако при наличии узлового префикса делаем исключение для неузловых относительных прилагательных, которые оставляются без обозначения их неузлового статуса и содержащегося в них инкорпорированного элемента:

лампа на столе <на>стольная лампа

Другие примеры: *внутрипартийные конфликты*, *безлесный край*, *кругосветное плавание*.

7. Узловые форманты

В рассмотренных до сих пор производных словах суффиксы трактуются как неузловые. Это оказалось возможным благодаря присутствию в пределах того же слова названия предиката. Если же такое название отсутствует, мы стоим перед выбором: признать суффикс узловым или постулировать рядом с производным словом имплицитный предикат. Здесь избран первый вариант; ко второму варианту будем прибегать только в том случае, когда фонемный формант отсутствует.

Во многих рассматриваемых далее парах производное и мотивирующее слова относятся к одной части речи. Такие пары назовем однородными. Начнем с пар, состоящих из существительных, например *штанга* – *штангист*. Чтобы эту неэквивалентную пару превратить в эквивалентную, исходной конструкции придаем форму предложения или словосочетания. Нужный гипероним в первом случае представлен местоимением или существительным. Во втором случае гипероним, разумеется, представлен всегда существительным.

Более эксплицитным предикатом может служить глагол; в таком случае удобна форма предложения:

Кто поднимает штангу? <штанг><ист>-Ø

Другие примеры: *танкист* (*водить*), *медалист* (*получить, наградить*), *скрипач* (*играть на*), *москвич* (*жить в*). А вот граф обсуждаемой выше пары *яблоко* – *яблоня*:

Дерево приносит яблоки. <ябло><н>я

Ср. альтернативное толкование, использованное словарем Ожегова: *плод яблони*[GEN] (более эксплицитно: *плод, приносимый яблоней*). Принятое нами, вслед за Мельчуком, решение предполагает усечение основы плода: <ябло>ня. Такое направление внутри русского языка имеет довольно сильное обоснование (образования типа *апельсиновое дерево* и тот факт, что *яблоко* более частотное слово, чем *яблоня*⁶), и косвенно подтверждается такими названиями, как нем. *Apfelbaum*, англ. *apple tree*, исп. (*limón* -) *limonero*.

Если предикат представлен другой частью речи, чем глаголом, часто удобна форма словосочетания:

башня с колоколом <колоколь><н>я

Не всегда удастся построить эксплицитное толкование деривата, содержащего узловой суффикс. Возможны два типа препятствий: а) отсутствие эксплицитного экспоната предиката; б) отсутствие подходящего гиперонима.

Оказывается, что если существует подходящий гипероним, предикат может быть выражен очень «свернуто», окончанием родительного падежа. Сюда относятся термины родства, которые являются непредикатными, но вызывают представление о двухместном отношении, например *дитёныш слона* - *слонёнок*. Другие примеры: *слониха* (*самка*), *козёл* (*самец*), *Ильич* (*сын*). В случае деривата *докторша* можно использовать предикат *замужем*, но проще все-таки толкование *жена доктора*. Узловым родительным выражается также отношение части к целому (меронимия), например *мясо лося* - *лосятина*, *рукоятка топора* - *топорище*.

Большую проблему составляет отношение женскости, т.е. дериваты типа *студентка*. Естественное толкование здесь трудно найти, т.к. нет ни эксплицитного предиката, ни гиперонима. Почти так же проблематично обстоит дело с образованиями типа *листва* и *горошина*. Не очень естественно звучат толкования с гиперонимами *совокупность* (для значения собирательности) и *единица* (для сингулятивов). Возможные, но не удачные предикаты представляют собой глагол *составлять* и числительное *один* (*из*), инкорпорированное в существительное *единица*.

Для экспликации уменьшительных и увеличительных существительных, например *домик*, *домица*, используются, конечно, одноместные предикаты *маленький* и *большой*. Позицию единственного актанта занимает дериват, который в результате выхолащивания семантически сливается с мотивирующим словом. Инкорпорации корня поэтому нет: *дом<ик>-Ø*.

⁶ Согласно частотному словарю Ляшевская & Шаров 2009 *яблоко* встречается приблизительно пять раз чаще, чем *яблоня*.

В паре *нога – ножка* (мебели), наоборот, реализуется двухместный предикат, представленный глаголом *напоминать* или прилагательным *похожий*⁷. Здесь в деривате мотивирующее слово выделено: <нож><к>а.

Как известно, в однородных парах дериваты часто имеют эмотивную окраску, положительную или отрицательную; ср. *ручонка*, *шведик*, *тоненький*, *богатенький*, *высоченный*. Кроме того, представлены такие предикаты, как *довольно* (*скуchnоватый*), *слишком* (*коротковатый*) и *напоминать* (*красноватый*).

Богатым словообразовательным потенциалом обладают глаголы; из таких дериватов можно извлекать, в частности, следующие предикаты: *кратковременно* (*посидеть*), *немного* (*присесть*), *начать* (*полюбить*), *прекратить* (*разлюбить*), *время от времени* (*покуривать*). Для некоторых других способов действия, например эволютивного (*раскричаться*), и особенно для «чисто» видового различия трудно найти эксплицитный предикат, так же, как в случае противопоставления мужского и женского пола у существительных.

Узловые суффиксы встречаются и в неоднородных парах, например в прилагательных, образованных от непредикатных существительных при помощи узловых суффиксов *-аст-* или *-ист-*:

На дне много камней.



<камен><ист>ое дно



Суффикс прилагательного может иметь значение *большой*; ср. *ушастый юноша*, но не *бородатый моряк* (у всех есть уши, не у всех есть борода). Последний предикат неожиданно появляется в прилагательных типа *глубокий*:

озеро большой глубины



<глуб>окое озеро



Нередко отмечаемый лингвистами – в том числе и Мельчуком в указанной работе – специальный характер параметрических названий здесь вынуждает нас считать *глубокий* производным от *глубина*⁸. На этом фоне морфологическая структура существительного *длина* выступает как «правильная»! Надо отметить, однако, что широко распространена бóльшая формальная сложность названия параметра, ср. англ. *length*, *depth*.

Несмотря на наличие инкорпорированного предиката узловой суффикс нужен в слове *спальня* (<спа><льн>я), так как предикат *спать* подчинен предлогу *в*: *комната, в которой спят*. «Внешний» предикат (*можно* / <им>), находим также в прилагательных типа *осуществимый*. Суффикс *-тель-* обычно является неузловым (*читатель*, *телохраниль*), но в обозначениях инструментов он приобретает значение «использовать», например *огнетушитель* (прибор, используемый для тушения огня). Тот же предикат наблюдается в словах *отвертка*, *скакалка* и *левша* (хотя последним словом обозначается не инструмент, а агенс).

⁷ См. *Русская грамматика I* (2005), стр. 264.

⁸ Слово *глубина* имеет и другие, непараметрические, значения; ср. *ушла в глубину квартиры*, *оценить всю глубину ее души*.

Не исключено дублирование предиката, но только при разной степени эксплицитности, например *маленький домик*; ср: **старый старик*, **маленький малыш*. Допустимо, однако, *маленький мальчик*, с менее «заметной» инкорпорацией сегмента <мал>. В чисто аналитическом предложении возможно даже дублирование как предиката, так и второго актанта: *Штангист поднимает штанги*.

8. Неузловые слова

Флекссионные и деривационные морфемы часто имеют неузловой статус. Но и слова могут быть неузловыми; тогда их статус отмечаем специально, а именно обыкновенными скобками. Особенно богато представлены здесь союзы и предлоги. Среди «знаменательных» слов самый известный случай – это, пожалуй, так называемая делексикализация глагола:

Подход критикуется.

Подход (подвергается) критике.

Ср. также: *Они проводят опрос. Идет регистрация. Пользуются популярностью*. Синтаксически похожий глагол поддаваться, однако, узловой: *Это нельзя описать – Это не поддается описанию*.

Если нет мотивирующего глагола, конструкцию с неузловым глаголом надо признать производной, например *падать в обморок*. Но и при наличии соответственного глагола направление производности можно ставить под сомнение. Например, слово *критика* можно, вслед за Ожеговым, считать производным: *подвергать критике – критиковать*. Еще более оправданным такой анализ представляется по отношению к паре *заниматься флиртом – флитовать*. Однозначного решения здесь нет; все зависит от того, какому критерию отдадим бóльший вес, синтаксической или морфологической сложности.

В производное узловое слово может быть вложено неузловое слово: *Он производит действие. – производитель действия; Они больны гриппом. – больные гриппом*.

«Пустые» слова встречаются также в производных структурах, которые не выполняют условие формальной соотнесенности, например *красный платок – платок красного цвета, Он умный – Человек⁹ он умный*.

На уровне предложения неузловое слово особенно часто вводится вместе с неузловой же связкой *быть*. Речь идет об отглагольных существительных со значением деятеля или предмета:

Машину ведет Иван.

(<Води>тель) машины (-) Иван.

Америку открыл Колумб.

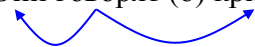
Америка (-) (<откры>тие) Колумба.

⁹ Малвин Фоннес, вслед за другими исследователями, отмечает, что удаление такого «вспомогательного» существительного никак не изменяет содержание предложения (Malvin Fonnes 2013:222).

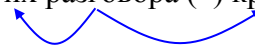
Мы теперь видим, что *Он рубит лес* служит не только исходной конструкцией для существительного *лесоруб* но и, со значительно повышенной эквивалентностью, для предложения *Он лесоруб*. Вместо актанта может быть инкорпорирован «внешний» предикат: *Он живет долго – Он долгожитель*. Если узловое существительное образовано от прилагательного, исходное предложение тоже является связочным: *Иван старый – Иван старик*.

Носителем функции предиката в подобных производных связочных предложениях могут быть и самостоятельные *nomina actionis* – отглагольные образования без инкорпорации. Синтаксически эти существительные выступают как определения в словосочетаниях, вершину которых занимают узловые названия семантических ролей, в том числе *предмет (спора, любви, ненависти)*, *тема (разговора)*, *цель (поездки)*, например:

Они говорят (о) кризисе.



(Тема) их разговора (–) кризис.



Едут (в) Москву.



(Цель) поездки (–) Москва.



В другом значении слово *цель* – узловой предикат; ср.: *Цель их прихода – проститься*. Это предложение явно производное; в исходной конструкции *цель* восходит к союзу *чтобы*: *Они пришли, чтобы проститься*. В другой – менее видоизмененной – трансформе, а именно *Они пришли проститься*, данный союз заменяется узловым окончанием инфинитива.

Если данные «ролевые» слова выступают в контексте словосочетания, то они являются узловыми актантами, непосредственно подчиненными предикату: *О предмете ее любви стало известно позже*.

9. Имплицитные узлы

Многие непроизводные непредикатные слова имеют прямую или косвенную связь с имплицитным предикатом. Например, *вдова* связана с предикатом *покойный*, из слова *жена* «извлекается» предикат *замужем*, из слова *гараж* – предикат *хранить*, из слова *топор* – предикат *рубить*.

Здесь, однако, пойдет речь о конструкциях с производными словами, которые или вообще лишены аффиксального фонемного отрезка, или имеют аффикс, занятый уже другим предикатом. При отсутствии в производном члене носителя предиката необходимо ввести в структуру имплицитный узел. Так, имплицитный предлог с постулируем в сложном слове *железобетон*, восходящем, скорее всего, к словосочетанию *бетон с железом*. Одноместный предикат *большой* присущ производному члену в испанской паре *cesta* («корзина») – *cesto* («большая корзина»). Одноместным же предикатом *постоянно* характеризуется *настольная книга*, в отличие от *настольная лампа*, где, как мы видели выше, такого осложнения нет. Если слово *бабник* вывести из фразы «тот, кто любит ухаживать за бабами» (толкование навеяно словарем Ожегова), *ухаживать* можно закрепить за суффиксом, а *любить* – признать имплицитным. Это слово можно сравнить со словом *ухажер*, где имплицитный предикат отсутствует.

Иногда осложнение обусловлено синтаксической структурой в пределах парадигмы; ср. *Задача решается* (с предикатом *можно*) и *требования решаемой задачи* (без данного предиката). Ср. также *Вы мне в этом деле не помощник* (= *не сможете помочь*). В конструкции *Туфли мне малы* присутствует имплицитный предикат *слишком*.

Обсуждаемые выше пары типа *груша (фрукт) – груша (дерево)* представлены следующим образом¹⁰:

Дерево приносит груши. <груш>а «приносить»

Для пары *слива – слива* актуален не только предикат *приносить*, но и значение собирательности (имплицитный предикат: *составлять*). Значит, слово *слива* реализует три значения, так же, как, между прочим, слово *клубника*: 1. *таз с клубникой*; 2. *осталась одна единственная клубника*; 3. *раздвинул листья клубники и увидел огромную ягоду*.

Среди других предикатов, лишенных фонемного экспоната, можно назвать *использовать* в образованиях типа *пылесос* (ср. *лесоруб*). Как пограничный случай можно, пожалуй, рассматривать *ледокол*.

Другой такой случай – это обсуждаемая выше «проблема пола», которая встречается также при отсутствии фонемного суффикса, например *супруг – супруга*.

Вставка имплицитного глагола также иногда необходима в производных конструкциях с агентивным словом *автор*: *Статью написал Иван – Автором статьи был Иван*; условие формальной соотнесенности здесь не выполнено. Ср., однако, с эксплицитным предикатом: *автор манипуляций*, исп. *el autor de la matanza*.

При помощи слов *место* и *время* образуются производные связочные конструкции, похожие на приведенные выше примеры со словами *предмет*, *тема*, *цель*, но отличающиеся от них тем, что речь идет уже не о прямых актантах, а о детерминантах. И связь этих детерминантов с ядром предложения осуществляется предикатами, которые в исходных конструкциях являются эксплицитными, а в производных – имплицитными:

Они встретятся в Москве. (Место) их встречи (–) «в» Москва.
Отлет (–) в час. (Время) отлета (–) «в» час.

По поводу второго примера можно отметить, что, во-первых, в производной конструкции все-таки возможен, даже предпочтителен, эксплицитный предикат: *Время отлета – в час*, а во-вторых, при замене слова *отлет* на *полет* (*Время полета – час*) требуется другой эксплицитный предикат, а именно, *длиться* или [АСС]: *Полет длится час / Будем лететь час[АСС]*.

¹⁰ Критерий частотности в таких случаях требует дополнительной трудоемкой проверки по контексту, которая, кроме того, не всегда дает определенный результат.

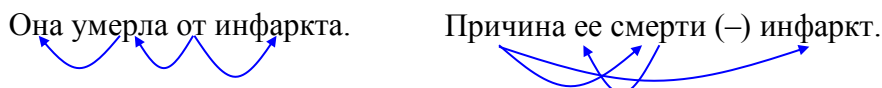
Подобно тому, как дело обстоит с «ролевыми» существительными, место и время в контексте словосочетаний являются узловыми, например: *Место встречи уже выбрано*. Помимо этих двух слов встречаются более ограниченные указания места и, особенно, времени: *пункт сбора, город исчезновения дочери; час похорон* (пример: ... *час похорон зависел, в сущности, от меня*), *день отъезда, дата подписания акта*. И такие слова могут стать неузловыми, например: *День отъезда – пятница* (предикат: *в*), *Днем поклонения этому божеству была пятница* (предикат: *по*). Во фразе *минута молчания* скрывается предикат *длиться* (или [АСС]). Ср. также, с этим же имплицитным предикатом: *Срок годности – шесть месяцев*.

Наконец, здесь упомянем также очень распространенное явление: пустые актантные позиции, которые во многих случаях оказываются синтаксически незаполнимыми, но имеют определенное семантическое содержание. Такими актантами являются, например, *банка* в слове *открывалка*, *женщина* в слове *ухажер*, *багаж* в слове *носильщик* и словосочетании *камера хранения*, *рука* в слове *левша*.

10. Номинализация и смежные явления

Под номинализацией здесь понимаем образование отглагольных и отприлагательных существительных, имеющих то же значение, что исходное, мотивирующее слово. Речь идет о так называемых синтаксических дериватах, в которых инкорпорация отсутствует. Выше уже были приведены примеры с такими дериватами, а именно производные связочные предложения с неузловыми – а иногда и имплицитными – узлами. Сюда можно добавить следующий случай, где все слова, кроме связки, узловые:

Она умерла от инфаркта. Причина ее смерти (–) инфаркт.



При представлении данных существительных удобно исходить из предложения. Подлежащему в производном образовании часто соответствует определение в родительном падеже: *звон колокола*, или относительное прилагательное: *колокольный звон*, но иногда возможен также инкорпорированный сегмент: *<снего>пад*.

В силу упомянутого выше упрощения представления из относительного прилагательного *колокольный* не выделяется актант *колокол*. Аналогичным образом, из местоимения *наш* в словосочетании *наш разговор* не извлекается актант *мы*.

Вместо первого актанта может быть назван второй (дополнение), например *товарное производство*, и даже второй актант имплицитного предиката *использовать* (инструмент): *телефонный разговор, ножевое ранение* (или *<ран>ение*).

При двух актантах первый, как известно, может оформляться так же, как в страдательных оборотах:

Колумб открыл Америку. открытие Америки Колумбом



Обороты *открывший Америку Колумб* и *открытая Колумбом Америка* мы здесь не рассматриваем, т.к. данные причастия входят в парадигму глагола.

Как было отмечено выше, из предложения *План реален* выводим не только синтаксический дериват *реальность плана*, но и – по практическим причинам – менее эквивалентное словосочетание *реальный план*. В принципе, между *чистая вода* и *чистота воды* существует внутренний изоморфизм. Однако в конкретных контекстах их неэквивалентность очевидна. Ср. нормальное *Стакан полон чистой воды* и странное, даже невозможное, **Стакан полон чистоты воды*¹¹. В чем дело? Дело в том, что небезразлично, каким узлом какой-то атом (атом – это предикат с его непосредственными подчиненными актантами) «подвешивается» к вышестоящему хозяину. И эта внешняя связь имеет значение для истолкования всей конструкции. Ср. *Не знаю, права ли она / она ли права*. Иногда, конечно, данное различие нейтрализуется, например: *Он восхищался прелестью ее глаз / ее прелестными глазами*.

В номинализации, как подсказывает сам термин, направление производности идет от глагола или прилагательного к существительному, даже когда этому противоречит формальное отношение вложения. Но иногда глагол настолько сложнее существительного, что надо допустить отклонения от этой нормы, например *флирт* – *флиртовать*, *гипноз* – *гипнотизировать*; ср. также *сила* – *сильный*.

Нетипичная направленность наблюдается также в паре *вор* – *воровать*; ср. *грабить* – *грабитель*. Соответствующие графы изоморфны, но инкорпорация проведена по-разному: <граби>тель, <вор>овать.

Многие отвлеченные существительные образованы от названий агенсов; в слове <хам>ство усматриваем, вслед за Ожеговым, гипероним *поведение*. Но название агенса может, в свою очередь, быть производным. Если мотивирующее слово тоже узловое, происходит повторная инкорпорация; ср. <<металл>ург>ия, с гиперонимом *обработка*, и более сложный пример <<банд><ит>-Ø>изм, где, кроме гиперонима *деятельность*, суффиксом *-ит* представлен предикат *входить* (в).

Такие опосредованные пары¹² часто содержат неузловые компоненты. Сегмент *-ург-* в слове *металлургия* неузловой. В слове <гипнотиз>ер неузловым является сегмент *гипнот-* (т.е. *гипноз*), в слове <предатель>ство – глагол *предать*. Если соотнести *воровка* прямо с мужским партнером *вор*, неузловым надо считать глагол *воровать*: <вор>овка.

Добавление синтаксического конституэнта может повлиять на инкорпорацию. В словосочетании *предательство Власова* неузловые как глагол *предать*, так и существительное *предатель*; значит, предикативная связь может реализоваться и в составе словосочетания, не только в связочных предложениях (ср. *Власов – предатель*). Другой пример: если к слову <за><боле>ваемость (*риск начать болеть*) добавить *гриппом*, неузловым становится глагол *болеть* (но префикс *за-* сохраняет свой узловый статус).

11. Заключительное слово

Может показаться, что установление производности не такая уж важная задача лингвистики: неужели важно, как мы отнесемся к спорному случаю *яблоко – яблоня*? Даже если мы здесь отвергаем выбор направления, сделанный в словаре Ожегова, то этот

¹¹ В поэзии, конечно, всякое встречается; ср. у Густава Фрёдинга (Gustaf Fröding): *Allt är fyllt av doftens rikedom* «Все исполнено богатства благовония».

¹² См. Лённгрен (1979).

выбор нетрудно понять; *плод яблони* является более коротким и более элегантно толкованием, чем *дерево, приносящее яблоки*. Нельзя также всегда опираться на морфологическую производность как ключ к оптимальному толкованию слова. Например, *столяр* мастерит всякие изделия из дерева, не только *столы*. Слово *роща* в словаре Ожегова совершенно правильно толкуется как «небольшой, чаще лиственный, лес», т.е. не включен в толкование неспецифичный, слишком «отдаленный» предикат *расти*. Слово *близорукий* вряд ли следует связать с понятием *рука*.

Выше в связи с узловыми формантами шла речь о том, что иногда затруднительно найти подходящий эксплицитный эквивалент. Это касается и дериватов с неузловыми формантами. Например, в наречии *дома* таится предлог. Но не годятся ни *в доме*, ни *на дому*. Чтобы решить проблему можно обратиться к другому языку: *at home*. Семантика не знает границ!

Темой настоящей статьи было пересечение морфологической деривации и синонимических средств языка. Надеюсь, наконец, что мои анализы могут пролить дополнительный свет как на традиционное описание словообразования (представленное, например, в *Русской грамматике 2005*), так и на нетрадиционный подход Мельчука, послуживший отправной точкой этой моей работы.

Литература

- Лённгрен, Л. (1979). О сегментации суффиксальных морф в русском языке. *Scandoslavica* 25, 155-62.
- Лённгрен, Л. (2005). Русские прилагательные-определения: валентностный анализ. *Восток – Запад: Вторая международная конференция по модели Смысл ⇔ Текст*. Москва: Языки славянской культуры, 268-76.
- Лённгрен, Л. 2008. Валентность и изоморфизм, *Poljarnyj Vestnik* 16, 15-27.
<https://doi.org/10.7557/6.1298>
- Лённгрен, Л. 2013. Русские падежи сквозь призму валентности. *Poljarnyj Vestnik* 16, 1-22. <https://doi.org/10.7557/6.2805>
- Ляшевская О. Н. & Шаров С. А. (2009). Новый частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Москва: Азбуковник.
- Мельчук И. А. (1968). Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними. *Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка* 27:5, 426-38.
- Мельчук И. А. (1974). Опыт теории лингвистических моделей Смысл ⇔ Текст. Москва: Наука.
- Ожегов С. И. (2006). *Словарь русского языка*. Москва: Мир и Образование.
- Падучева Е. В. (2005), Соответствие Смысл ⇔ Текст в исторической перспективе. *Восток – Запад: Вторая международная конференция по модели Смысл ⇔ Текст*. Москва: Языки славянской культуры, 330-49.
- Русская грамматика I* (2005). Москва: Инст. русск. языка РАН.
- Энциклопедия русский язык* (1997). Москва: Большая Российская энциклопедия.
- Borin, L., Forsberg, M. & Lönngrén, L. (2013). SALDO: a touch of yin to WordNet's yang. *Language Resources & Evaluation*, Springer Science + Business Media Dordrecht.

<https://doi.org/10.1007/s10579-013-9233-4>

Fonnes, M. (2013). Det predikative adjektivet i presentiske kopulasetninger i russisk. En informantbasert undersøkelse. Universitetet i Bergen.

Abstract: Morphological derivation

In this paper, I take as starting point traditional study of word-formation, i.e. word pairs like *sad* – *sadness*, *bake* – *baker*, where the members are connected formally as well as semantically. Besides, there is a difference in complexity, based on which each pair is ordered, directional.

However, this traditional approach is changed in such a way that the analysis is based entirely on valency properties and semantic relationship is restricted to that of equivalence. So instead of analysing pairs like *staryj* ('old') – *starik* ('old man') I prefer equivalent pairs like *staryj mužčina* (old + man) – *starik*.

The investigation is carried through not only on word level, but also on phrase and sentence level, including (as in the example just given) pairs where the members belong to different levels.

Special attention is paid to pairs where the secondary member contains a copula, for example *Mašinu vel Ivan* ('The car was driven by Ivan) – *Voditelem mašiny byl Ivan* ('The driver of the car was Ivan')

author: Lennart Lönngren

affiliation: UiT The Arctic University of Norway, Tromsø

email: lennart.lonngren@gmail.com